This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
254
.S5.A3
v.3

SHEREMETEV, SERGEI
VOSPOMINANIIA.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Sheremetev, S. D.

ВОСПОМИНАНІЯ

1870—1873 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

1899.

каждый камень былъ имъ дорогъ. Дядя Василій Сергѣевичъ съ этого дня не произносилъ имени Михайловскаго, но тетушка Елизавета Сергѣевна много и часто мнѣ разсказывала объ немъ. По смерти жены своей А. С. Мусинъ-Пушкинъ сталъ думать о продажѣ Михайловскаго, но семья долго его удерживала.

Я помню, какъ въ Остафьево пріѣхалъ невзначай оберъ-гофмейстеръ и президентъ придворной конторы князь Николай Ивановичъ Трубецкой. Вообще въ Остафьевѣ жили тихо, глухо, не принимая никого, ограничиваясь кругомъ своихъ близкихъ. Почти ежегодно пріѣзжали гостить князь Д. С. и княгиня В. И. Горчаковы изъ Калужскаго имѣнія, заѣзжалъ иногда любитель подобныхъ посѣщеній, добродушнѣйшій С. М. Сухотинъ, нерѣдко пѣшкомъ приходила изъ сосѣдняго Никульскаго В. А. Окулова, послѣдняя изъ многочисленныхъ сестеръ сосѣдокъ князя П. А. Вяземскаго. Заѣзжали осенью и лица, съ которыми князь Павелъ Петровичъ имѣлъ сношенія по своимъ „не служебнымъ“ занятіямъ, но мѣстныя власти никогда сюда не

показывались. Князь обыкновенно уединялся въ своемъ кабинетѣ или въ библіотекѣ, княгиня вела свою отдѣльную жизнь — сходились къ обѣду, къ чаю и вечеромъ собирались въ большой круглой залѣ, пріютившей столько поколѣній.

Сохранившіеся шкалики на вершинахъ колоннъ еще напоминали о прежнихъ праздникахъ. Кругомъ, что ни шагъ, то воспоминаніе о когда-то кипѣвшей здѣсь жизни, и какія воспоминанія! Три поколѣнія князей Вяземскихъ сумѣли придать особое значеніе мирному Остафьеву. Мысль русская здѣсь находила гостепріимный пріютъ и обновлялась для новыхъ трудовъ и дѣятельности. Благо семьѣ, въ которой свѣтлыя преданія переходятъ изъ рода въ родъ, и горе, когда они обрываются!

Я засталъ уже конецъ блестящаго начала. Князь Павелъ Петровичъ доживалъ здѣсь свой сложный и бурный вѣкъ, доживалъ мудрецомъ и отшельникомъ.

Среди предметовъ искусства и сокровищъ книжныхъ и письменныхъ, собранныхъ нѣсколькими поколѣніями, онъ самъ былъ жи-

вымъ свидѣтелемъ прошлаго и представлялъ собою художественный типъ, который такъ и просился подъ кисть или карандашъ. Среди окружавшаго его, кажущагося безпорядка, всегда можно было найти желаемое или услышать оригинальное и самобытное сужденіе. Онъ работалъ неустанно и появленіе его въ нѣсколько заглохнувшихъ комнатахъ Остафьевскаго дома придавало послѣднему и жизнь, и смыслъ. Только тогда, когда его не стало, поняли, какъ нужна была эта жизнь во имя дорогихъ завѣтовъ прошлаго и сложныхъ задачъ настоящаго.

У княгини Маріи Аркадьевны былъ свой особенный міръ — рѣзко разграниченный. Съ портретами семьи Мордвиновыхъ соединялись Константинопольскія и Баденскія воспоминанія, сливавшіяся съ отраженіями Зимняго дворца. То былъ уголокъ двора императрицы Маріи Александровны, имѣвшій свой опредѣленный отпечатокъ и потому далеко не безличный. Письменный столъ ея не былъ заброшенъ, и среди многочисленной переписки

всего чаще встрѣчалось имя Nancy. И тутъ же въ двухъ шагахъ, но въ сторонѣ отъ всего и отъ текущей жизни Остафьева, сохранилась комната съ большимъ окномъ въ садъ, передъ которымъ стоялъ письменный столъ А. С. Пушкина. Здѣсь сохранился отпечатокъ чего-то давно отошедшаго, но полнаго особой притягательной силы. То была комната Карамзина, въ которой онъ писалъ свою „Исторію Государства Россійскаго“.

Въ домовыхъ кладовыхъ можно было еще отыскать остатки того воздушнаго шара, который до 1812 года опустился въ Остафьевѣ; въ немъ находилась извѣстная Прасковья Юрьевна Кологривова, по первому мужу кн. Гагарина, мать будущей хозяйки Остафьева кн. Вѣры Ѳедоровны.

Однажды лѣтомъ 1870 года вхожу я случайно въ большую залу Остафьевскаго дома— нигдѣ ни души — всѣ по обычаю разошлись по своимъ угламъ. Но вотъ гдѣ-то слышатся шаги; вижу небольшаго роста старичекъ гуляетъ взадъ и впередъ по пустымъ комна-

тамъ дома съ выраженіемъ нѣкотораго нетерпѣнія. Какъ и когда подъѣхалъ онъ, никто не замѣтилъ. Подхожу къ нему и не безъ изумленія узнаю сановника высшей пробы—князя Николая Ивановича Трубецкого. Нужно полагать, что недавнія впечатлѣнія Ильинскаго и пребываніе тамъ княгини Маріи Аркадьевны побудили опытнаго царедворца засвидѣтельствовать свое почтеніе хозяйкѣ дома.

Князь Павелъ Петровичъ, узнавъ о пріѣздѣ его и не входя въ высшія соображенія придворныхъ теченій, принялъ старика съ почетомъ, какъ современника и почти однокашника князя Петра Андреевича. Долго сидѣли мы съ нимъ на балконѣ, потомъ прошлись по извѣстной липовой аллеѣ. Во время этой прогулки Трубецкой подхваливалъ тѣнистую дорогу и тутъ же съ восхищеніемъ разсказывалъ, что у зятя его Мусина-Пушкина весь садъ состоитъ изъ подобныхъ густыхъ липовыхъ аллей, которыя по словамъ его одна другой лучше. На вопросъ княгини, гдѣ это имѣніе и какъ называется, онъ сказалъ, что оно по

сосѣдству и назвалъ *Михайловское*. Я внимательно прислушался къ его словамъ, и сильнѣе забилось желаніе увидѣть своими глазами это столь завѣтное для меня мѣсто.

Вскорѣ мы собрались туда, въ видѣ большой прогулки, но немножко наугадъ, не зная хорошенько, куда ѣхать и что тамъ насъ ожидаетъ.

Ѣхали мы долго, поплутали какъ слѣдуетъ, пока не выбрались на старую Калужскую дорогу, по которой добрались до Красной Пахры. Отсюда мы свернули вправо и благополучно доѣхали до березовой аллеи, съ которой уже видѣнъ былъ домъ. Здѣсь мы слѣзли въ концѣ ея и пѣшкомъ поднялись къ дому, гдѣ велѣли объ себѣ доложить хозяевамъ. А. С. Мусинъ-Пушкинъ встрѣтилъ насъ очень радушно; онъ давно желалъ показать мнѣ Михайловское, такъ какъ вопросъ о продажѣ его былъ для него принципіально рѣшенъ. Здѣсь находились: дочь его сестры Дубовицкой и его дочь, графиня Мусина-Пушкина, жена графа Алексѣя Владиміровича. Она была любимица и баловень отца. Не желая принять насъ по деревенски,

она принарядилась и вошла съ цвѣтами въ рукахъ: „Lilly of the valley“. И слова эти она произносила съ особымъ оттѣнкомъ въ голосѣ...

Я не могъ не замѣтить, что Михайловское было значительно запущено, какъ и слѣдовало быть усадьбѣ шестидесятыхъ годовъ. Спеціальностью Алексѣя Сергѣевича была гастрономія, возведенная имъ въ художество. Одинъ изъ столповъ Московскаго англійскаго клуба и руководитель по кулинарной части, онъ слылъ и былъ великимъ знатокомъ этого дѣла. Безъ него не обходился ни одинъ показный старшинскій обѣдъ, какъ и не бывало тонкаго, политическаго обѣда въ Москвѣ безъ участія Алексѣя Сергѣевича. За ликеромъ и pousse café по окончаніи роскошнаго стола, онъ охотно пускался въ политическія разсужденія, смѣялся какимъ-то особеннымъ пѣтушинымъ смѣхомъ, слегка критиковалъ правительство и могъ иногда быть язвительнымъ. Это цѣльный Московскій типъ шестидесятыхъ годовъ, не примирявшійся съ многими Петербургскими мѣропріятіями.

Его созданіе, взлелѣянное имъ въ Михайловскомъ и нѣжно любимое—были сочные персики и сливы, которыми онъ по справедливости гордился. Они, дѣйствительно, таяли во рту, и хозяинъ говорилъ объ нихъ съ чувствомъ нѣкотораго умиленія. Мы, конечно, должны были остаться къ обѣду. Тамъ, гдѣ теперь верхній кабинетъ, была прежде зала и здѣсь-то посреди ея накрытъ былъ столъ. И угостилъ онъ насъ, нечего сказать, на славу! Вмѣсто обычнаго деревенскаго обѣда мы поражены были отмѣнною тонкостью его состава. Припоминается какой-то соусъ съ трюфелями—просто объяденіе.

Такъ провели мы этотъ день, причемъ объ осмотрѣ усадьбы не могло быть и рѣчи. Да и для хозяина это видимо было Nebensache. Душа его успокоилась за обѣдомъ, при сознаніи, что онъ лицемъ въ грязь не ударилъ. Къ вечеру вернулись мы въ Остафьево.

Осенью переговоры о Михайловскомъ значительно подвинулись. Потребность имѣть свой уголъ чувствовалась давно, ради сложныхъ се-

мейныхъ отношеній, но средствъ въ рукахъ для покупки не было. За Михайловское просили 40.000 руб. Деньги эти ссудилъ мнѣ графъ Владиміръ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, чѣмъ и вывелъ меня изъ значительнаго затрудненія. Такимъ образомъ, Михайловское вернулось въ нашу семью въ 1870 году. Радость была общая, но всего сильнѣе прочувствовалъ ее дядя Василій Сергѣевичъ.

Незабвенна для меня поѣздка къ нему въ Тульскую деревню, въ село Ржаву. Прожилъ я у него дня три въ полномъ уединеніи, въ уютномъ его домикѣ, близъ построенной имъ прекрасной каменной церкви. Постройка очень занимала его и утѣшала. Онъ самъ водилъ меня въ эту церковь и радовался ея окончанію. Въ домѣ у него все такъ же было тепло и уютно, какъ и въ Московской его квартирѣ. Здѣсь жилъ онъ, окруженный воспоминаніями прошлаго, портретами близкихъ, книгами и альбомами. Въ небольшой комнатѣ, гдѣ онъ пилъ утренній чай, висѣли портреты знаменитостей изъ музыкальнаго міра,

лично ему извѣстный, портретъ пѣвицы Malibran и портретъ близкой ему Генріетты Зонтагъ (гр. Росси). Когда-то въ жизни его она имѣла большое значеніе; это былъ сложный и продолжительный романъ, о которомъ, впрочемъ, онъ никогда не говорилъ и только однажды подарилъ мнѣ кольцо съ изображеніемъ календаря, внутри котораго была надпись „Henriette“. Когда я у него спросилъ, что̀ значитъ эта надпись, онъ замялъ разговоръ. Въ это же пребываніе въ Ржавѣ онъ подарилъ мнѣ пачку писемъ къ нему моей матери. Они были особенно дружны.

Въ томъ же 1870 году пришлось мнѣ впервые путешествовать съ Цесаревичемъ. Рѣшена была поѣздка Его и Цесаревны въ Новочеркасскъ, по случаю юбилея Донскаго войска.

Все было для меня тогда ново и полно интереса. Невѣдомый дотолѣ міръ впервые сталъ для меня яснѣе и освѣщалъ многое въ будущемъ.

Красиво было зрѣлище на городской площади, куда собрался войсковой кругъ, и Цесаре-

вичъ съ перначемъ въ рукѣ впервые появился въ немъ, какъ атаманъ всѣхъ казачьихъ войскъ.

Сильное впечатлѣніе произвела на меня служба въ деревянномъ Новочеркасскомъ соборѣ. Архіепископъ Платонъ сказалъ тогда привѣтственное слово у вратъ его, въ виду всего казачества. Величественъ былъ архипастырь съ окладистою сѣдою бородою. Онъ опирался на посохъ и говорилъ твердо, спокойно, краснорѣчиво, внушительно. Онъ произвелъ тогда на всѣхъ большое впечатлѣніе.

Бывалъ я у него тогда, и онъ жаловался на невольное бездѣйствіе — это было время его опалы за Ригу. Лучшіе годы его проходили въ захолустьѣ, и достойная его дѣятельность явилась поздно.

По вечерамъ городъ освѣщался многими огнями, вездѣ движеніе, ликованіе, музыка и свѣтъ. Съ балкона видъ былъ прекрасный, но уже тогда Цесаревичъ ясно высказалъ свое несочувствіе ко всякимъ иллюминаціямъ и фейерверкамъ.

Погода была чудная, а молодость брала

свое. Все тогда казалось ново и интересно, полно надеждъ и упованій. Все это въ порядкѣ вещей, и много хорошаго осталось въ памяти.

На обратномъ пути, гдѣ-то въ Малороссіи, поѣздъ нашъ остановился, чтобы дать возможность прогуляться въ сосѣдней рощѣ.

Многое говорилось тогда, намѣчалось, подготовлялось то, что стало яснымъ впослѣдствіи.

Дорога отъ Аксая вдоль Дона тогда еще была оживленнѣе нынѣшняго, больше было садовъ, виноградниковъ, владѣльцы еще не успѣли пошатнуться— теперь не то...

Все же въ молодыхъ воспоминаніяхъ о придворной жизни эта поѣздка въ Новочеркасскъ представляется мнѣ чѣмъ-то свѣтлымъ и радостнымъ...

„Дѣла давно минувшихъ дней“..

Зимою 1870—71 года тетушка Елизавета Сергѣевна рѣшилась поѣхать въ пріобрѣтенное Михайловское, и мы поѣхали съ нею вдвоемъ. Присоединился къ намъ также Ю. Ѳ. Гренингъ, мой бывшій менторъ.

Забылъ объ немъ сказать, что до его погрома

въ нашемъ домѣ, онъ, толкуя постоянно объ огражденіи отцовскихъ интересовъ, выпросилъ у него дачу въ Павловскѣ. Дача была хорошая, но не по силамъ ему, на ней онъ почти разорился. Теперь онъ былъ жалокъ; больной, разбитый, онъ появился въ Москвѣ, чтобы навѣстить своихъ родственниковъ. Предложилъ я ему тогда поѣхать съ нами въ Михайловское, но самъ былъ тому не радъ. Онъ обижался на каждомъ шагу. Поѣхалъ съ нами и общій повѣренный семьи Н. А. Кусовъ, человѣкъ исполнительный, но нѣсколько слабый по части хмѣльнаго. Впрочемъ, онъ тогда былъ болѣе воздержанъ. Въ это время Кусовъ много мнѣ помогъ своими хлопотами по покупкѣ Михайловскаго. Поѣхалъ съ нами и Л. К. Эйсымонтъ.

Поѣздка эта въ 1870 году напомнила мнѣ дѣтство. Мы помѣстились въ возкѣ, такъ какъ тетушка боялась ѣхать иначе. Возокъ, если присмотрѣться къ нему и испытать его, это одно изъ орудій пытки. Сидишь въ немъ, какъ въ ящикѣ, небольшія окна съ заморо-

женными стеклами едва пропускаютъ свѣтъ, но за то, несмотря на медвѣжью опушку, исправно пропускаютъ холодъ. Видѣть нельзя ничего, вы обречены на заключеніе въ продолженіе многихъ часовъ, дышать нечѣмъ, а холодъ такъ и пробираетъ.

Въ Михайловскомъ мы нереночевали. Чувство собственности, испытанное мною, впервые было очень пріятно, но какъ-то все еще не вѣрилось, что дѣло это закончено. На другое утро въ церкви служили молебенъ и водрузили новый крестъ. Съ креста началось обновленіе Михайловскаго. Въ церкви было очень холодно. Ю. Ѳ. Гренингъ неосторожно пришелъ въ сюртукѣ, позавтракали плотно и вспрыснули покупку. Ю. Ѳ. охмѣлѣлъ и простудился; поѣздкою онъ остался недоволенъ вообще, да сверхъ того сильно поспорилъ съ Кусовымъ изъ за преимуществъ Германской расы.

Тетушка была очень утѣшена; она словно ожила, обновилась и отрадно было на нее смотрѣть.

Зиму провели мы въ Петербургѣ, 19 марта 1871 года родился Павелъ. Почти одновременно съ рожденіемъ его пришло изъ Москвы потрясающее извѣстіе о кончинѣ двоюродной сестры, графини С. А. Бобринской.

Наступившій годъ принесъ семьѣ нашей много горя. По началу нельзя было, конечно, предвидѣть печальнаго исхода.

Крестины Павла отпраздновали въ домѣ на Почтамтской, куда собрались всѣ наши гости. Воспріемникомъ былъ Цесаревичъ, который лично присутствовалъ. Пріѣхали отецъ съ графиней Александрой Григорьевной и всѣ наличные родственники. Служилъ бывшій Парижскій священникъ І. В. Васильевъ, дьякономъ былъ Исаакіевскій протодіаконъ Оболенскій, носившій по возвращеніи изъ Парижа монокль, чѣмъ особенно не понравился Цесаревичу. Былъ и дядя С. С. Шереметевъ съ семействомъ, князь Н. А. Долгорукій и, конечно, всѣ Вяземскіе.

Крестили въ гостиной, а завтракъ былъ накрытъ въ залѣ. Все обошлось благополучно. Въ первый разъ отецъ мой встрѣчался съ

Цесаревичемъ, который былъ съ нимъ отмѣнно любезенъ и тѣмъ совершенно его плѣнилъ. Помню, какъ дядя Сергѣй Сергѣевичъ занималъ Цесаревича разговоромъ о Виленскомъ пребываніи Муравьева и былъ также отъ него въ восхищеніи. Общая радость омрачалась лишь мыслью о горѣ семейномъ, о тяжкой потерѣ графини С. А. Бобринской, столь невознаградимой для нашей семьи.

Въ этомъ же году обѣдали на Почтамтской отецъ и графиня Александра Григорьевна въ первый разъ послѣ нашей свадьбы. Обѣдъ былъ обдуманный и вина были хорошія, потому что отецъ цѣнилъ хорошій столъ и тонкое вино. Впечатлѣніе осталось самое благопріятное, онъ былъ очень въ духѣ, хвалилъ все и казался очень довольнымъ.

На лѣто отецъ по заведенному въ послѣдніе годы обычаю переѣхалъ въ Кусково. На этотъ разъ пригласилъ онъ туда къ себѣ Любовь Сергѣевну Натарову, дочь барона С. Н. Истрова.

Тотчасъ послѣ Пасхи скоропостижно скон-

При этомъ присутствовали дядя Сергѣй Сергѣевичъ и Василій Алексѣевичъ Шереметевы.

Удочеренная имъ Варвара Павловна Сирская очень скоро послѣ кончины дяди вышла замужъ за Александра Николаевича Костромитинова.

Изъ Москвы вернулся я въ Царское, куда пріѣхалъ и Цесаревичъ, тогда же пришлось отбыть Красносельскій лагерь, послѣ чего мы по обычаю переѣхали въ Остафьево.

Въ бытность мою въ Москвѣ на похоронахъ поѣхалъ я къ отцу въ Кусково, гдѣ мнѣ отвели комнату въ Голландскомъ домѣ. Онъ участливо разспрашивалъ меня о кончинѣ дяди.

Изъ Остафьева поѣхали мы въ Михайловское на нѣсколько часовъ, чтобы подробнѣе осмотрѣть имѣніе. Собранные персики и сливы были вложены въ корзину и посланы къ отцу въ Кусково.

Тамъ провели мы день 30-го августа, когда праздновали именины брата. Но прежде, чѣмъ говорить о послѣднихъ дняхъ отца, упомяну о

Любови Сергѣевнѣ Натаровой, которая провела съ нимъ часть послѣдняго лѣта 1871 года.

Дочь барона Сергія Николаевича Истрова, она воспитывалась на средства отца въ Екатерининскомъ институтѣ, у нея былъ пріятный голосъ и отецъ ее любилъ и постоянно ей помогалъ.

По смерти своего отца она вышла замужъ, но неудачно, за врача Натарова, сына Петра Аѳанасьевича Натарова, стараго камердинера дяди Василія Сергѣевича, у котораго былъ братъ Василій Аѳанасьевичъ, дожившій до его кончины и отличавшійся необыкновенною торжественностью. „Государыня моя!“, говорилъ онъ дамамъ съ напускною важностью, а съ дядей отличался необыкновенными пріемами; вся фигура его была въ высшей степени типичная.

Врачъ Натаровъ, отбившійся отъ своихъ, оказался ничтожествомъ и неучемъ. Они скоро разошлись, у нея остался одинъ сынъ Дмитрій, крестникъ моего отца.

Присутствіе Л. С. Натаровой въ этотъ послѣдній годъ отцу было нужно, она была по-

слѣднее лицо, напоминавшее прошлое, и съ нею онъ могъ быть откровененъ; кромѣ того, она его понимала и была къ нему привязана. Многому она была тогда свидѣтельницей въ Кусковѣ, но уѣхала она въ началѣ осени въ Петербургъ; какъ разъ въ самое послѣднее время ея уже не было.

Это послѣднее лѣто для отца было безотрадно и тяжко, къ тому же онъ значительно постарѣлъ... Тогда же онъ ѣздилъ въ Смоленскую губернію. 17-го августа 1871 г. я получилъ отъ него изъ Высокаго слѣдующее „послѣднее“ письмо:

„Любезный Сережа! Письмо твое получилъ, мнѣ пріятно, что я могъ сдѣлать доброе дѣло для П. Я. Ремезова. Теперь положеніе его обезпечено. Я радъ, что маневры кончились благополучно и что Государь и Государыня были довольны; мнѣ пріятно, что Catherine и дѣти здоровы, теперь я въ Высокомъ, погода прекрасная, осматриваю с. Высокое съ большимъ удовольствіемъ, мѣстоположеніе прекрасное, гористое, очень хорошій паркъ, и постройки

идутъ хорошо и время проводимъ пріятно. 30 августа и 1 сентября предполагаемъ провести въ Кусковѣ. Дай Богъ, чтобы осна хорошо принялась у Павла—мы тебѣ кланяемся и цѣлуемъ Catherine и дѣтей. Саша всѣхъ васъ цѣлуетъ.

Любящій тебя отецъ

Г. Д. Шереметевъ".

По возвращеніи его въ Кусково, явились новыя хозяйственныя и иныя заботы... За заботами слѣдовали огорченія и удары... Онъ замолкъ и смирился, а 12-го сентября 1871 года въ то самое время, когда въ Кусковѣ, въ своемъ кабинетѣ переходилъ отъ дивана къ письменному столу, онъ упалъ и мгновенно скончался. Когда вошли въ комнату, его нашли на полу уже безъ признаковъ жизни.

Въ это время мы жили въ Москвѣ въ домѣ Варгина на Тверской, съ двумя старшими сыновьями. За обѣдомъ получаю телеграмму. Помню, какъ не хотѣлось мнѣ ее распечатывать. Содержаніе ея было краткое: „Графъ Дмитрій Николаевичъ скончался". Телеграмма

была подписана управляющимъ Московскими имѣніями. Мы тотчасъ же наняли карету и поѣхали въ Кусково. Было уже совсѣмъ темно, когда мы подъѣзжали къ дому. Всѣ окна его были освѣщены. Передъ нами были давно знакомый прудъ и церковь. Мы остановились у подъѣзда. Неизвѣстность того, что насъ ожидало, было глубоко мучительно. Сложное чувство тяжкой скорби и волненія—тревоги и сознанія отвѣтственности наполняли всѣ мысли и чувства. Мы вступили въ домъ и черезъ рядъ комнатъ прошли въ угловую красную гостиную. Тамъ на среднемъ кругломъ диванѣ сидѣла графиня Александра Григорьевна и послѣ первыхъ словъ передала мнѣ въ руки печать моего отца; въ другой рукѣ держала она тѣ образа, которые онъ всегда носилъ, при чемъ она выразила желаніе эти образа себѣ оставить.

Я просилъ, чтобы меня провели къ отцу. Тогда появился управляющій и повелъ меня въ кабинетъ. Отецъ лежалъ на диванѣ.....

. . . . . .

Меня очень непріятно поразило тогда громкое указаніе на письменный столъ отца и на лежащую на немъ 25 рублевую бумажку, съ заявленіемъ, что ни къ чему не прикасались и все въ цѣлости, чему и свидѣтельствуетъ эта бумажка!..... Я вышелъ изъ кабинета, и что̀ было дальше, хорошенько припомнить не могу — голова была не въ порядкѣ, мысли путались. Смутно припоминаю лишь сложные, трудные и неестественные разговоры и распоряженія, ночь проведенную въ Кусковѣ, службы и столовую, всю обитую черными покровами. Огромные картонные гербы кололи глаза, вся пышность человѣческой суетности была столь же несвойственна характеру и направленію отца, какъ и чужда церкви. Домъ наполнился гостями, при чемъ многіе были мнѣ совершенно неизвѣстны. Послѣднюю ночь я спалъ на верху къ сторонѣ церкви съ графомъ Владиміромъ Ивановичемъ Пушкинымъ, котораго участіе въ то время для меня было неоцѣненно дорого. Онъ мнѣ былъ опорой и помощникомъ въ

сложномъ и трудномъ положеніи — не забыть этой ночи и разговора; съ нами ночевалъ и Л. К. Эйсымонтъ. На слѣдующій день похороны, старецъ митрополитъ Иннокентій совершалъ отпѣваніе, церковь была переполнена. На рукахъ мы выносили гробъ; такъ и двинулось шествіе на Перово, Карачарово, въ Москву и до Странноприимнаго дома, гдѣ была панихида. Въ церкви гробъ окружали призрѣваемые. Оттуда опять на рукахъ донесли его до Николаевскаго вокзала, гдѣ литію совершилъ преосвященный Леонидъ. Экстренный поѣздъ помчалъ насъ въ Петербургъ.

Все это прошло такъ смутно для меня, въ какомъ-то тяжкомъ полусознаніи. Вижу рядъ каретъ и возрастающую толпу: то были все большею частію бывшіе крестьяне. Они съ рукъ на руки продолжаютъ нести гробъ: „Довольно вы носили, дайте и намъ понести“. Этотъ простой голосъ замѣнялъ краснорѣчивое надгробное слово; то былъ правдивый голосъ сердца, непритворное и вѣрное признаніе: „Русскій человѣкъ добро помнитъ!“ —

говорилъ этотъ голосъ, и онъ не нуждался въ поясненіи.

Безъ балдахина и ненужной пышности, безъ регалій и всяческой суетности, среди толпы съ непокрытыми головами, окруженный живою стѣною народною, медленно на рукахъ подвигался простой дубовый гробъ . . . .

. . . . . .

Поѣздъ тихо подходилъ къ Петербургу и остановился, не доходя до вокзала. На платформѣ толпились. Вижу истерзанное горемъ, въ слезахъ лицо Любови Сергѣевны Натаровой. Мнѣ были дороги эти искреннія слезы. Здѣсь отслужилъ литію митрополитъ Исидоръ и шествіе тронулось въ Александро-Невскую Лавру. Начался рядъ службъ, утреннихъ и вечернихъ, въ Духовской церкви. На одномъ клиросѣ стоялъ нашъ хоръ, на другомъ пѣвчіе митрополита. Служба отпѣванія превзошла всѣ другія чинностью, стройностью и великолѣпіемъ пѣнія. На рукахъ понесли мы гробъ въ Лазаревскую церковь; еще разъ раздалась „Вѣчная память“, и гробъ тихо опустили въ могилу. Тогда всѣ ра-

зошлись и разъѣхались. Остались только тѣ, которые всего болѣе сознавали потерю, бѣдный людъ — лишившійся благодѣтеля. Опять показались слезы, теплыя и сердечныя, а тѣмъ временемъ опытною рукою складывали сводъ, и необыкновенно быстро складывался онъ, камень за камнемъ. Все меньше и меньше видѣнъ былъ гробъ, все выше и выше росли своды — и вотъ послѣдній камень поставленъ на свое мѣсто. Все кончено.... и „Вѣчная память“ еще разъ послышалась между бѣдняками, медленно расходившимися по домамъ. Тогда и я уѣхалъ домой . . . . . .

. . . . . .

И вотъ настало время разобраться во всей сложности вновь создавшагося положенія. Сразу пришлось окунуться во весь омутъ жгучихъ и мучительныхъ заботъ . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Жизнь въ обновленномъ Михайловскомъ началась съ 1872 года. Переѣхали же мы на

Фонтанку въ 1873 году. Въ то же время я списался съ Ломакинымъ, который значительно поправился и предложилъ ему вновь составить хоръ и руководить имъ попрежнему. Во избѣжаніе затрудненій съ мальчиками, ограничились взрослыми. Вернулись прежніе лучшіе голоса: Чумачевскій, Войтовъ, Ваулинъ, Кукурузи и другіе. Конечно, это было лишь слабое отраженіе прежняго, но все же достаточно цѣльное, чтобы доставить еще много высокихъ наслажденій. Служба возобновилась въ нашей церкви, стоявшей столько времени „безъ пѣнія“ — и начался новый, послѣдній періодъ въ исторіи нашего хора.

Онъ прекратился съ переѣздомъ въ Москву, по случаю моего избранія въ Губернскіе предводители Московскаго дворянства.

Одновременно съ нашимъ переѣздомъ скончался и Г. Я. Ломакинъ...

Г. С. Ш.

UCC-4F3430

2-50
124505/875

Stanford University Libraries
3 6105 004 889 668

STANFORD UNIVER
CECIL H. GREE
STANFORD, CALIFOR
(415) 723

All books may be reca

DATE D

JUN 2 2 1994
JUN 1 3 1994